

домъ княжны Куракиной, — загорѣлось отъ кузницы. Сильный вѣтеръ перебросилъ огонь къ Златоустову монастырю и къ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, отсюда къ Яузскимъ воротамъ, на Яузскій мостъ, отъ котораго огонь пошелъ налѣво по Никольской улицѣ и Алексѣевской слободѣ вплоть до Андроньева монастыря, который былъ истребленъ, чѣмъ пожаръ на этой сторонѣ и кончился; но съ другой стороны — отъ церкви Всѣхъ Святыхъ огонь пошелъ къ городской стѣнѣ и, перекинувшись чрезъ городовую стѣну, пошелъ до церкви Ильи Пророка, на Воронцовомъ полѣ, потомъ по Покровской улицѣ. Пожаръ прекратился въ 1 часу пополудни. Сгорѣло 96 человѣкъ, 1,202 дома, обгорѣло 25 церквей. 15 числа, за Яузою, въ Гончарахъ, сгорѣло 25 дворовъ; 23 мая опять большой пожаръ въ Москвѣ — въ селѣ Покровскомъ (теперь улица) и Новонѣмецкой слободѣ сгорѣло 196 дворовъ. На другой день пожаръ въ противоположномъ концѣ города: на Стоженкѣ и Пречистенкѣ сгорѣли три церкви и 72 дома. 25 мая погорѣла Покровка и пламя перекинуло на Земляной валъ въ Басманную слободу и на Красныя ворота; сгорѣло 62 дома, триумфальная ворота, комедіальный домъ, находившійся между Красными воротами и церковію Петра и Павла въ Новой Басманной. Указали на зажигателей; но когда чиновники прѣехали для сыску оговоренныхъ, то въ двухъ мѣстахъ, у Новинскаго монастыря и въ селѣ Покровскомъ, они были встрѣчены жителями, которые бросились ихъ бить. Пожары не ограничились Москвою: въ тотъ день, когда былъ самый большой московскій пожаръ, 10 мая погорѣлъ Воронежъ, истреблено 681 домъ, осталась соборная Благовѣщенская церковь, архіерейскій домъ, двѣ приходскихъ церкви, да весьма малое число обывательскихъ дворовъ. 24 мая въ Глуховѣ сгорѣло 275 домовъ, въ томъ числѣ школъ и шпиталей (госпиталей) 15. 19 іюня Главный Магистратъ объявилъ Сенату, что въ Можайскѣ погорѣли безъ остатка 94 лавки и 35 домовъ, отчего купечество разорилось и уплатить подушныхъ денегъ не въ состояніи. 17 іюня былъ большой пожаръ во Мценскѣ, — сгорѣло 205 домовъ, и воеводская канцелярія объявила, что онъ былъ дѣломъ злодѣевъ: подлѣ воеводской квартиры зажигали разные дворы, только тушили, а при третьемъ поджогѣ найденъ въ селѣ сѣ пухомъ и въ хлопьяхъ зажженный трутъ, отчего жители перепугались и съ пожитками вывезлись на поля и на берега рѣки. Кромѣ того, въ Ярославлѣ сгорѣло — 140 дворовъ; въ Бахмутѣ — 150; въ Орлѣ — 16; въ Сапожкѣ — 122; Михайловѣ — 385; Рыльскѣ — 11; Костромѣ — 26; Сѣвскѣ — 57; Нижнемъ — 10; Переяславль южный и Венденъ выгорѣли всѣ; въ Болховѣ сгорѣло 1,500 дворовъ ¹⁾. Въ Петербургѣ приняли предосторожности; пикеты изъ гвардейскихъ пол-

ковъ стояли на площадяхъ и на улицахъ; въ Москву былъ отправленъ генералъ Ѳеодоръ Ушаковъ, который долженъ былъ предсѣдательствовать въ особой комисіи для изслѣдованія о причинахъ пожаровъ; гвардейскіе офицеры разосланы были для того же и по другимъ городамъ ²⁾.

Найдено было, что полицейскія команды дѣйствовали очень плохо, и, вообще, какъ мы уже видѣли, положеніе полиціи было очень печально. Главная Полиціймейстерская Канцелярія объявила Сенату, что въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ рядахъ чистоты никакой нѣтъ, потому что скотъ бьютъ въ рядахъ, а не въ боѣницахъ, и мясо продаютъ къ пищѣ негодное, и отъ нечистоты въ рядахъ смрадный воздухъ, да и рогатокъ нѣтъ, и хотя отъ полиціи запрещеніе и принужденіе сдѣланы относительно чистоты, однако по причинѣ малой команды не исполняютъ, магистратъ не помогаетъ и рогатокъ до сихъ поръ не дѣлаетъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ ямщики, по приказанію ямскаго управителя Кучинскаго, рогаточныхъ карауловъ не содержать и полицейской должности не исправляютъ: оттого въ самонужнѣйшихъ мѣстахъ семь рогатокъ запустило и происходитъ немалое воровство. Архангельскій магистратъ сотскихъ и десятскихъ изъ купечества для полицейской должности не присылаетъ, не присылаетъ и вѣдомостей о съѣстныхъ припасахъ для смотрѣнія, чтобъ цѣны не возвышали ³⁾. Сверхъ того, изъ многихъ полицейскихъ конторъ представляютъ сильныя жалобы на магистраты, которые въ должности полицейскаго правленія сами вступаютъ, а учиненнымъ полиціямъ препятствуютъ. Препятствія эти заключались иногда въ слѣдующемъ: упомянутый ямской управитель въ Нижнемъ, прапорщикъ Кучинскій, собравшись съ ямщиками, билъ дубьемъ опредѣленнаго къ исправленію полицейской должности квартормистра Баранщикова, держалъ двое сутокъ въ цѣпи и водилъ по улицамъ, чтобъ въ ямскіе дворы не ставилъ постоя. Въ 1747 году Сенатъ велѣлъ губернской канцеляріи изслѣдовать о своевольствахъ ямщиковъ, но ничего не было сдѣлано. Послѣ этого уже, когда нѣсколько ямщиковъ взято было въ полицію за нехождение въ рогаточный караулъ, то Кучинскій и ямской староста Долининъ пришли въ полицію съ ямщиками человѣкъ со сто, схватили полиціймейстерскаго служителя и, вытащивъ за волосы на дворъ, пробили голову, причемъ Кучинскій и Долининъ кричали: „Если впередъ на караулъ будутъ наряжать, то быть великой бѣдѣ!“ Полиція жаловалась въ губернскую канцелярію, но та ничего не сдѣлала. Кучинскій и Долининъ не допустили печатать петицъ ямщиковъ; Долининъ вытолкалъ сотника, пришедшаго за этимъ. Губернская канцелярія, съ своей стороны, доносила, что 20 іюня у ямщика случился пожаръ — и погорѣло 10 домовъ, вѣроятно

¹⁾ Журн. Сената 1, 2, 19 іюня, 18 августа. — Въ томъ же Архивѣ дѣла Сената по Приказному столу, № 31 — 681.

²⁾ Полн. Собр. Зак., № 9,503; 9,505; 9,526; 9,535.

³⁾ Журн. Сената 4 марта.

отъ несмотрѣнія нижегородскаго полиціймейстера Метревелева и особенно ямскаго управителя Кучинскаго, между которыми большое несогласіе, ибо полиціймейстеръ жалуется на Кучинскаго, а Кучинскій показываетъ, что онъ у ямщиковъ печи печатаетъ самъ, только позволяетъ топить въ указные дни надворныя печи, а на рогаточныя караулы ямщикамъ ходить не приказалъ потому, что по указу изъ ямской канцеляріи ямщикамъ ходить на эти караулы не велѣно. Губернская канцелярія о сохранности города полиціймейстеру безпрестанно подтверждаетъ; но онъ, видя, что состоитъ въ вѣдомствѣ Главной Полиціймейстерской Канцеляріи, приказаніями губернской канцеляріи пренебрегаетъ; то же самое дѣлаетъ и ямской управитель. Изъ другихъ городовъ такія же жалобы: въ полиціймейстерской инструкціи велѣно смотрѣть, чтобъ строенія не выдавались въ улипу и оставляли проѣздъ не менѣе пяти сажень; но въ Воронежѣ ямщикъ въ торговую площадь прибавилъ двора своего и выставилъ городьбу на 10 сажень; полиціймейстеръ городьбу сломалъ, но ямщикъ опять загородилъ, а при ломаніи ямской управитель, Сиверцевъ, приказалъ ямщикамъ бить до смерти посланныхъ отъ полиціймейстерской конторы солдатъ и десятскихъ, отчего ямщики и прочіе обыватели пришли въ безстрашіе и полиціи не слушаются; тутъ же полиціймейстерская контора доносила, что въ Воронежѣ архитектора нѣтъ. — Главная Полиціймейстерская Канцелярія доносила, что въ Москвѣ, послѣ пожара 1737 года, стоятъ ветхія каменные строенія, которыя, вмѣсто украшенія такого знатнаго города, даютъ дурной видъ и въ нихъ можетъ быть пристанище ворами и другимъ непотребнымъ людямъ; сверхъ того, находится въ нихъ множество помету и всякаго скаредства, отчего сосѣдямъ и проѣзжающимъ людямъ, особенно въ лѣтнее время, можетъ быть поврежденіе здоровью, и хотя полиція неоднократно понуждала обывателей достраивать ихъ, однако не достраиваютъ, и трудно надѣяться, чтобъ скоро достроили, а потому Главная Полиція думаетъ, что надобно положить срокъ — полгода, по истеченіи котораго отдавать это строеніе другимъ, желающимъ. Сенатъ приказалъ: принуждать достраивать, кромѣ тѣхъ, которые въ арміи или другихъ отдаленныхъ мѣстахъ; кто объявитъ, что достраивать не въ состояніи, такимъ велѣтъ продавать охочимъ людямъ за вольную цѣну, обязывая ихъ въ томъ подписками; а желающимъ изъ выстройки этихъ домовъ отдавать не слѣдуетъ, ибо отъ такой отдачи домовладѣльцамъ послѣдуетъ крайняя обида; также и полугодичный срокъ невозможенъ по короткости его. — Главная Полиція предлагала въ Москвѣ, на Тверской ямской, для большей красоты, такъ какъ это первая улица для пріѣзжающихъ изъ Петербурга, насадить березки, какъ на Невскомъ проспектѣ. Сенатъ и на это не согласился, такъ какъ слобода за Землянымъ городомъ, къ тому же въ ней бываетъ великая грязь и многихъ разныхъ чиновъ людей пріѣзды,

отъ которыхъ деревьямъ всегда можетъ происходить поврежденіе, особенно отъ скота: ямщики принуждены будутъ безпрестанно новыя деревья сажать, отчего будутъ терпѣть напрасный убытокъ ¹⁾.

Противъ пожаровъ извѣстна была самая дѣйствительная мѣра: замѣна деревянныхъ строеній каменными. По просьбѣ петербургскаго купечества, императрица приказала, вмѣсто деревяннаго гостиного двора, строить купцамъ на свой счетъ каменный въ одинъ а п а р т а м е н т ъ на каменныхъ погребкахъ, съ наружными и внутренними галереями, покрыть черепицею или желѣзомъ, полы наложить камнемъ или кирпичемъ. Оброчныя деньги брать съ лавокъ и погребовъ по 75 коп. съ погонной сажени ²⁾. Труднѣе было придумать средства для улучшенія личнаго состава полиціи. Полиція жаловалась на магистраты, а Главный Магистратъ доносилъ Сенату, что присутствующій въ московской полиціи, совѣтникъ Воейковъ, обижаютъ и беретъ взятки съ московскаго купечества, купца Тимоеева билъ плетью, отчего тотъ чрезъ двое сутокъ умеръ. Симбирскій воевода Колударовъ доносилъ, что худыя поступки управителя полиціймейстерскихъ дѣлъ, Обухова, „преодолѣли общенародную терпѣливость“ ³⁾.

При описанномъ печальномъ состояніи общественной охраны случилось, что разбойники пріѣхали въ Одоевъ, взяли изъ тюрьмы четверыхъ колодниковъ и благополучно уѣхали. Воры и разбойники въ калужской провинціальной канцеляріи показывали, что они пограбленныя вещи отвезутъ за польскую границу на Вѣтку, а форпостъ на границѣ объѣзжаютъ лѣсами; также пріѣзжали въ Калугу и живали у многихъ посадскихъ людей въ домахъ недѣли по двѣ и больше безъ паспортовъ, причемъ домохозяева знали, что за люди ихъ жильцы. Полиціймейстеръ, поручикъ Волковъ, ни за чѣмъ не смотритъ; въ надлежащихъ мѣстахъ карауловъ и рогатокъ нѣтъ ⁴⁾. Прислано для поимки воровъ 20 солдатъ пѣшихъ, но надобны конные. Села Грибцова крестьяне, собравшись многолюдствомъ, напали на домъ ротмистра Дурнова, въ Калужскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Незамаевѣ, мать его мучительно били, деньги и пожитки побрали; потомъ пришли въ другой разъ, мать его закололи ножами и домъ зажгли. Люди и крестьяне Дурнова нашли въ Калугѣ разбойничью партію, троихъ схватили и привели въ калужскую провинціальную канцелярію, но воевода отпустилъ ихъ ⁵⁾. Олонецкая провинціальная канцелярія доносила о появившихся въ Олонецкомъ уѣздѣ двухъ воровскихъ партій и большомъ числѣ бѣглыхъ изъ службы людей и крестьянъ; а для поимки злодѣевъ посылать некого. Порховская воеводская канцелярія писала,

¹⁾ Журн. Сената 14 іюля.

²⁾ Журн. Сената 6 іюля.

³⁾ Журн. Сената 21 іюля.

⁴⁾ Журн. Сената 7 января.

⁵⁾ Журн. Сената 29 февраля.

что для сыску воровъ и разбойниковъ сыщика и команды никакой нѣтъ, и безпрестанно изъ запольскаго рубежа выходятъ бѣглые солдаты, матросы, рекруты, бѣглые крестьяне и имѣютъ пристани у помѣщичьихъ крестьянъ; нѣсколько церквей пограблено безъ остатку, а у жителей крадутъ лошадей ¹⁾. Въ Новгородскомъ уѣздѣ въ разныхъ мѣстахъ, особенно по Московской дорогѣ и близъ нея, появились воры и рабойники ²⁾. Епископъ Сарскій и Подонскій (Крутицкій) жаловался Синоду, что Вѣлевскаго уѣзда вотчины капитана Левшина управитель Семеновъ, да села Троицкаго приказчикъ Павловъ, да староста Кирилловъ съ 30 человѣками крестьянъ пришли въ церковь села Троицкаго съ ружьями, дубьемъ и цѣпами, выбили Сѣверныя двери и выстрѣлили въ алтарь; священника изъ алтаря выволокли, ризы на немъ изодрали; на престолѣ и жертвенникѣ одежды подрали; прочія ризы, которыя висѣли въ алтарѣ, стаща, топтали ногами и измарали все безъ остатка; священника отволокли на помѣщичій дворъ и, разложивъ среди двора, били кнутомъ, а управитель билъ дубиною мучительно, такъ-что священникъ едва живъ ³⁾.

Относительно быта крестьянъ замѣтимъ слѣдующіе распоряженія и случаи. Графъ Петръ Шуваловъ словесно предложилъ Сенату, что во многихъ городахъ и уѣздахъ, на заводахъ и на торжкахъ, при покупкѣ у крестьянъ хлѣба употребляютъ хлѣбныя мѣры, въ которыхъ сверхъ указной осьмичетвериковой мѣры больше отъ четверика до осьмины, а деньги платятъ за четверть, и отъ такихъ неровныхъ мѣръ крестьяне несутъ немалую обиду: поэтому не соизволитъ ли Сенатъ подтвердить указомъ во всѣхъ мѣстахъ имѣть хлѣбныя мѣры ровныя и заклеяенныя, чтобъ въ четверти было восемь четвериковъ. Сенатъ согласился ⁴⁾. Въ ближнихъ къ Дону мѣстахъ крестьяне не отвыкали отъ бѣгства: ряжская воеводская канцелярія донесла, что изъ разныхъ помѣщичьихъ вотчинъ людей и крестьянъ бѣжало человѣкъ 270 съ женами, дѣтьми и пожитками, — нѣкоторые пойманы и показали, что бѣгутъ на житіе въ казачьи городки ⁵⁾. Бѣгство крестьянъ явленіе очень для насъ знакомое; но въ описываемомъ году случилось бѣгство особаго рода: бѣжалъ воевода Черньской провинціи, Лянуновъ; съ нимъ бѣжали съ приписью подъячій и канцеляристъ, не сдавши никакихъ дѣлъ опредѣленному на его мѣсто воеводою майору Хитрову ⁶⁾.

Мы видѣли, что въ высшихъ учрежденіяхъ, коллегіяхъ, прокуроры указывали на неправильность дѣйствій членовъ; но въ описываемое время президентъ Камеръ-Коллегіи, Кисловскій, донесъ Сена-

ту, что онъ несогласенъ съ мнѣніемъ вице-президента и членовъ, съ общимъ опредѣленіемъ членовъ Камеръ-Коллегіи и Главн. Магистрата, ибо видитъ упущеніе интересовъ ея императорскаго величества и явную потачку ворами, утаителямъ товаровъ отъ пошлинъ чрезъ наглый разбойническій проѣздъ въ пограничную брянскую заставу; онъ записалъ въ протоколъ особливья свои мнѣнія; но эти мнѣнія присутствующими уничтожены; прокуроръ Философовъ не обратилъ на нихъ вниманія, и исполнено по голосамъ вице-президента и членовъ ⁷⁾.

Любопытное явленіе въ концѣ года произошло въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. 8 декабря канцлеръ призвалъ къ себѣ въ домъ тайнаго совѣтника Веселовскаго да оберъ-секретаря Пуговишникова, показалъ имъ присылаемые къ нему отъ времени до времени изъ Коллегіи экстракты изъ министерскихъ реляцій, которыхъ накопилось очень много и по которымъ резолюціи требуются, и началъ говорить: „Удивляюсь, для чего въ Коллегіи о такихъ дѣлахъ, между которыми есть и нужныя, господа члены по должности своей старанія не прилагаютъ, ибо извѣстно имъ, что, по силѣ регламента, въ дѣлахъ мнѣнія свои членамъ напередъ съ нижнихъ голосовъ президенту предлагать надобно“. — „Я“, отвѣчалъ Веселовскій, „какъ и другіе члены въ Коллегіи, всегдашнее сидѣніе имѣемъ и по возможности своей въ дѣлахъ упражняемся, и которыя дѣла предложены были намъ къ рѣшенію, какъ старыя, такъ и новыя, — по тѣмъ всѣмъ недавно мы, сколько ума нашего было, разсужденіе свое дали“. *Канцлеръ*: „Однако мнѣ весьма мало такихъ дѣлъ видно было, которыя бы по вашимъ разсужденіямъ изготовлены были, и мнѣ не безъизвѣстно, что нѣкоторыя дѣла по полугоду и больше въ Коллегіи безъ резолюціи лежали, хотя вы, господа члены, всѣ входящія въ Коллегію дѣла одинъ за другимъ вкруговую читаете, но о резолюціяхъ притомъ ничего не помышляете. Если вы думаете, чтобъ я самъ напередъ на всякое дѣло свои разсужденія давалъ, то это не моя должность, да мнѣ и не растянуться стать во всѣхъ дѣлахъ одному, ибо для меня довольно исправлять такія нужнѣйшія дѣла, которыя времени не терпятъ и о которыхъ безъ замедленія ея императорскому величеству докладывать надобно“. *Веселовскій*: „Мнѣ не извѣстно, какія бы дѣла такъ долго безъ резолюціи въ Коллегіи лежали, развѣ которыхъ я не видалъ. *Канцлеръ*: „И такія дѣла, которыя я уже самъ, хотя и сверхъ должности своей, чтобъ не потерять времени, къ высочайшей апробаціи у себя дома сочинялъ и въ Коллегію на разсмотрѣніе посылалъ, долговременно безо всякаго дѣйствія лежали, — между ними поданный со стороны Саксонскаго Двора отвѣтъ на сдѣланное ему призываніе приступить къ союзному договору съ Вѣнскимъ Дворомъ съ полгода въ Коллегіи лежалъ.

¹⁾ Журн. Сената 5 августа.

²⁾ Журн. Сената 13 сентября.

³⁾ Журн. Сената 16 ноября.

⁴⁾ Журн. Сената 8 марта.

⁵⁾ Журн. Сената 8 августа.

⁶⁾ Журн. Сената 13 іюня.

⁷⁾ Журн. Сената 11 августа.

Я, видя, что ничего объ немъ не помышляется, сочинилъ у себя отвѣтъ и на разсмотрѣніе въ Коллегію отослалъ, но и послѣ того онъ три мѣсяца въ молчаніи пролежалъ". *Веселовскій*: „Я и другіе члены этотъ отвѣтъ Саксонскому Двору читали, а зачѣмъ онъ потомъ въ Коллегіи пролежалъ,—мнѣ не извѣстно". *Канцлеръ*: „Еслибъ вы, прочтя, свое мнѣніе объявили, такъ ли тому быть или что въ немъ переменить надобно, то слѣдовало бы вамъ мнѣ о томъ знать дать; но этого не сдѣлано; съ такимъ же молчаніемъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ происходитъ. Но когда отъ меня для напamтованія о какихъ-нибудь дѣлахъ записки въ Коллегію присылаются, то, какъ слышно, на меня же нарекаютъ и такія записки указами моими называются. Принужденъ я былъ васъ нарочно теперь къ себѣ позвать и персонально напamтовать, чтобъ о дѣлахъ въ Коллегіи лучшее стараніе приложено было". *Веселовскій*: „Я съ своей стороны въ дѣлахъ столько тружусь, сколько силъ и ума у меня есть; а если въ чемъ ума недостаетъ, то гдѣ-жъ мнѣ его взять. Я бы радъ его купить или въ кузницѣ сковать, ежели бы возможно было". *Канцлеръ*: „Вамъ самимъ извѣстно, что покойный Бревернъ не хуже васъ, но также тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ да и конференцъ-министромъ былъ, однако онъ всякія дѣла на апробацію канцлерову всегда своеручно сочинялъ; а отъ васъ не только какого сочиненія, но съ начала сидѣнія вашего въ Коллегіи до сихъ поръ еще не видно было, чтобъ вы когда либо одно слово для поправленія въ дѣлахъ своею рукою написали, кромѣ подписанія своего имени въ готовыхъ дѣлахъ; а товарищъ вашъ, тайный совѣтникъ Юрьевъ, хотя и въ крайней старости находится, однако часто случается, что онъ своею рукою въ сочиненныхъ дѣлахъ поправки дѣлаетъ". *Веселовскій*: „Если-бъ у меня силы и лѣта такія-жъ были, какъ у Бреверна, то и я такъ-же бы могъ трудиться". *Канцлеръ*: „Когда за старостію не можете въ сочиненіяхъ дѣлать себя употреблять, то и не требуется отъ васъ; однако, что принадлежитъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ въ Коллегіи, то вамъ, какъ и другимъ членамъ, можно входящія дѣла хотя каждому про себя читать или всѣмъ вдругъ слушать, и, не откладывая вдаль, тогда же разсуждать и самимъ кратко записать или секретарю приказать, что по онымъ исполнить надлежитъ, особливо-жъ по реляціямъ министерскимъ разсматривая, какія наставленія имъ подать надобно, и такія свои разсужденія написавъ, ежели вице-канцлеръ не присутствовалъ, то ему, а потомъ и канцлеру показывать, что и съ Регламентомъ согласно будетъ". *Веселовскій*: „Ежели-бъ давно такимъ образомъ сказано, то-бъ и поступали по тому; но случаются такія важныя дѣла, о которыхъ лучше при собраніи всей Коллегіи совѣтовать". *Канцлеръ*: „Хотя и при собраніи всей Коллегіи, однако мнѣнія по дѣламъ напередъ съ нижнихъ голосовъ подавать надле-

жить; а впрочемъ вамъ самимъ не безызвѣстно, что я прежде часто въ Коллегію пріѣзжалъ, но никакой пользы въ дѣлахъ отъ того не видалъ, ибо вы, господа члены, въ такихъ моихъ присутствіяхъ только и дѣлали, что одинъ за другимъ вкруговую читали, а никакого предложенія или разсужденія не чинили. А когда я, видя ваше всегдашнее молчаніе, хотя мнѣ этого и не слѣдовало и напередъ ваши мнѣнія слышать надлежало, о нѣкоторыхъ дѣлахъ свои мнѣнія предлагалъ, въ такихъ случаяхъ одни только критическія разсужденія отъ васъ слышалъ, а какъ бы иначе по вашему мнѣнію дѣло окончить надлежало,—того никогда отъ васъ добиться не могъ. Наскучивши такими безплодными сидѣніями въ Коллегіи и жалѣя о времени, что напрасно въ томъ проходило-бъ, я и пріѣзжать въ Коллегію пересталъ, потому что я гораздо больше у себя дома, нежели сидя въ Коллегіи, нужнѣйшихъ дѣлъ исправлять могу" ¹⁾.

Этотъ любопытный разговоръ вскрываетъ намъ ходъ дѣлъ въ Иностранной Коллегіи. Президентъ ея, канцлеръ, не ѣздилъ въ Коллегію, нужнѣйшія дѣла исправляетъ у себя дома, а между тѣмъ слышится, что его упрекаютъ въ деспотизмъ, въ присыланіи указовъ членамъ Коллегіи. Онъ призываетъ къ себѣ Веселовскаго и оправдывается въ своемъ поведеніи, складывая вину на него, на то, что не находитъ помощи къ Коллегіи; жалуется, что тамъ ведутъ дѣла не такъ, не по Регламенту, а между тѣмъ самъ признается, что пріучилъ вести дѣла неправильно, дѣлалъ чего не слѣдуетъ, предлагалъ свое мнѣніе, не собирая голоса съ младшихъ. Веселовскій наивно и грубо отвѣчаетъ: „Давно бы сказалъ, что надобно поступать по Регламенту, такъ бы и поступали". Бестужеву особенно чувствительны были нареканія на его поведеніе въ Коллегіи потому, что вице-президентомъ ея былъ Воронцовъ,—его врагъ. Бестужевъ удалилъ изъ Коллегіи воронцовскаго кліента, Неплюева, пославши его въ Константинополь; но теперь получались извѣстія, что и Веселовскій, выведенный Бестужевымъ по старымъ пріятельскимъ отношеніямъ, перешелъ на сторону Воронцова.

О поведеніи враговъ канцлера, Воронцова и Лестока, мы продолжаемъ узнавать изъ депешъ Финкенштейна. Воронцовъ увѣрялъ Финкенштейна, что Прусскому королю нечего опасаться ни отъ послѣдняго заключеннаго Россіею трактата, ни отъ тридцатитысячнаго русскаго корпуса. „Я", доносилъ Финкенштейнъ своему королю, „имѣвши много случаевъ находить сообщаемыя имъ извѣстія справедливыми и хвалиться добрымъ его расположеніемъ къ интересамъ вашего величества,—я не могу думать, чтобъ онъ меня въ этомъ случаѣ хотѣлъ обмануть. Онъ, правда, боязливъ; но эта боязливость заставляетъ его скрывать отъ меня нѣкоторыя подробности только, и я никакъ не думаю, чтобъ онъ захотѣлъ представить мнѣ не то, что на

¹⁾ Записка разговора въ Госуд. архивѣ.

самомъ дѣлѣ“¹⁾. Но, кромѣ Воронцова, пріятеля важнаго, у Финкенштейна былъ еще пріятель неустрашимый, — Лестокъ. Этотъ объявилъ ему о всеобщемъ неудовольствіи, которое возбуждено походомъ тридцатитысячнаго корпуса за-границу²⁾. „Боюсь одного“, говорилъ Лестокъ, „чтобъ канцлеръ нарочно не замедлилъ походомъ, съ цѣлію не допустить войско придти вовремя и вступить въ дѣло съ непріятелемъ, потому что если случится противное дѣло — дойдетъ до битвы, то можно биться объ закладъ, что Русскіе потерпятъ неудачу: прежняя дисциплина исчезла и командующій генераль, Ливень, нелюбимъ войскомъ. Пораженіе войска составляетъ теперь желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ генераловъ; многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что нѣтъ другого средства заставить императрицу открыть глаза насчетъ канцлера; если дѣла пойдутъ хорошо, то нечего и думать о перемѣнѣ; надобно получить пощечину, — и тогда нетрудно будетъ свергнуть канцлера“. По поводу этой депеши Бестужевъ замѣтилъ; „Такою измѣнническою о войскахъ ея императорскаго величества хулою король Пруссій столько ободрится, что съ ея величествомъ равняться думаетъ, вмѣсто того, что дѣдъ и отецъ его въ зависимости государя Петра Великаго были. — Совсѣмъ ложь: генерала Ливена не только солдаты, но и офицеры всѣ любятъ и почитаютъ. — А какъ долго сіи измѣнники не искоренятся, то и помышлять нечего, чтобъ они къ присяжной своей должности обратились, ибо злость ихъ и ненависть на канцлера не допускаетъ ихъ чувствовать, что они, желая его погубить, вредятъ интересамъ своей монархини и отечества“.

Воронцовъ старался отстранять причины неудовольствія Елисаветы на Фридриха II. Одною изъ причинъ неудовольствія былъ отказъ Фридриха отдать русскихъ солдатъ-великановъ, присланныхъ отцу его прежними правительствами. Воронцовъ внушалъ Финкенштейну, что если Фридрихъ возвратитъ нѣсколько изъ нихъ въ Россію, то нѣтъ сомнѣнія, что это произведетъ самое полезное впечатлѣніе въ мысляхъ императрицы; онъ, Воронцовъ, знаетъ навѣрное, что это дѣло представлено ей съ религіозной точки зрѣнія, и всякій день толкуютъ ей объ этомъ, чтобъ раздражить ее противъ Прусскаго короля³⁾. Воронцовъ, въ разговорахъ съ Финкенштейномъ, укорялъ Бестужева, что тотъ посылкою тридцатитысячнаго корпуса вовлекалъ Россію въ европейскія замѣшательства. Бестужевъ по этому случаю замѣчаетъ: „Ея и в—ства слава и интересы требуютъ въ европейскія дѣла мѣшаться. Петръ Великій столько о томъ старался, что помощный корпусъ на своемъ собственномъ иждивеніи отправить радъ былъ бы. Инако же развѣ Турками или Персіянами быть запертыми въ своихъ границахъ? Примѣръ тому недавно сдѣлался, что когда король Пруссій въ

чужія дѣла вмѣшался, а съ здѣшной стороны никакого движенія противъ того чинено не было, то онъ до такой силы дошелъ, что подлинно наипачтѣйшимъ сосѣдомъ есть“⁴⁾.

Въ концѣ марта мѣсяца Финкенштейнъ доносилъ своему Двору объ опасной грудной болѣзни генераль-прокурора князя Трубецкого, прибавляя: „Смерть князя Трубецкого подлинно была бы великая потеря, и канцлеръ избавился бы отъ самаго опаснаго непріятеля, какого онъ въ здѣшной Землѣ когда-либо имѣлъ. Графы Лестокъ и Воронцовъ, которые связаны съ нимъ дружбою, очень безпокоятся“. Бестужевъ замѣтилъ: „Изъ сего ея имп. величество усмотрѣть изволить, въ какихъ людяхъ сія шайка состоитъ“⁵⁾.

Бестужева очень обрадовала депеша Финкенштейна отъ 23 іюля, изъ которой оказалось, что Воронцовъ получаетъ пенсію отъ Прусскаго Двора. Финкенштейнъ писалъ королю: „Такъ какъ срокъ пенсіи, которую вашему величеству угодно жаловать важному пріятелю, истекъ 1 сентября прошлаго года, то я считаю долгомъ испросить приказаній вашего величества относительно ея, тѣмъ болѣе, что пріятель, не называя вещь ея именемъ, однако далъ мнѣ знать, что надѣется на продолженіе къ нему милостей вашего величества. Я долженъ также прибавить, что хотя настоящее положеніе дѣлъ не даетъ ему возможности быть полезнымъ въ той же степени, въ какой онъ былъ прежде, однако онъ продолжаетъ быть одинаково благонамѣренъ и сообщать мнѣ отъ времени до времени то, что, по его мнѣнію, можетъ быть полезно службѣ вашего величества“. — Бестужевъ замѣчаетъ: „Христосъ во Евангеліе глаголетъ, не можетъ рабъ двумя господинома работати, Богу и мамонѣ; а между тѣмъ изъ сего видно, что сія сумма еще прежде бытности его въ Берлинѣ знатно чрезъ Мардефельда назначена. Сіе же теперь толь больше вѣроятности подастъ подаваннымъ отъ казеннаго въ Пруссіи тайнаго совѣтника Фербера къ полковнику Виттингу извѣстіямъ, которыхъ оригиналы изъ Коллегіи скражены, и тому письменному извѣстію, каково камергеръ Чоглоковъ при проѣздѣ своемъ чрезъ Берлинъ отъ бывшаго тамъ секретаря Лоренца получилъ, а именно, что вице-канцлеръ сообщилъ королю Прусскому изъ Дрездена о планѣ Саксонцевъ; король Пруссій ихъ предупредилъ — и тѣмъ Саксонію разорилъ“.

Въ концѣ августа Лестокъ далъ знать Финкенштейну, что императрица сильно раздражена противъ морскихъ державъ; говорила, что, повидимому, хотятъ уничтожить ея войска; но впрочемъ Вѣнскій Дворъ не перестаетъ быть любимымъ Дворомъ⁶⁾. Увѣдомляя объ этомъ, Финкенштейнъ писалъ королю: „Выходитъ изъ этихъ словъ, что возникло охлажденіе между Русскимъ Дворомъ и морскими державами, которымъ благонамѣренные

¹⁾ Депеша Финкенштейна 6 февраля.

²⁾ Депеша 17 февраля.

³⁾ Депеша 24 февраля.

⁴⁾ Депеша 19 марта.

⁵⁾ Депеша 2 апрѣля.

⁶⁾ Депеша 7 сентября.